

Оглавление

I. ДЕВУШКИ ТАК ДЕЛАЮТ

1. Наш дом	11
2. Семья.....	14
3. Как я получила свое имя	19
4. Я начинаю иной путь	25
5. Направляя взрослых.....	30
6. Хранительница на Троне	36
7. Пожар и тревога	43
8. Воины мудрости.....	53
9. Незнакомец в белом	62
10. Иглы.....	73
11. Бабушка, вставай.....	83
12. Круги на воде.....	85
13. Путь к колодцу	90
14. Как победить монстра	93
15. Мир за кувшин воды	100

16. Намеченные планы	104
17. Я становлюсь дояркой.....	112
18. Те, кто слушают	118
19. Рука с когтями	123
20. Не все будет хорошо.....	127
21. Я встречаю Долгожителя.....	132
22. Никто и все мне помогают	143
23. Дама с младенцем	146
24. Человек с огненными руками.....	150
25. Призрак камня	157
26. Имя Катрин	162
27. Боль каждого целителя.....	169
28. Этого не может быть	175
29. Я начинаю с половины	182
30. Я встречаю своего брата	188
31. Кое-что девушки делают	196
32. Прибытие воина	203
33. Помощь с небес	206
34. Война развязана.....	209
35. Когда один — это три	215
36. Солнце восходит из очень неожиданного места	220
37. Я вижу себя на полпути	225
38. Шапки и ковры.....	234
39. Старший мудрец.....	239
40. Я не приглашена.....	242
41. Внутри	246

42. Ангел спустился.....	251
43. Финальное доказательство.....	255
44. Заклинание сломано	260
45. Десять минут	265
46. Мой маленький геше	271
47. Внутри Хранительницы Свободы.....	276
48. Конец дней болонки.....	281
49. Между.....	286
50. Лицо убийцы	290
51. Поющие воды	294
52. Нежелательная энергия.....	296
53. Достаточно далеко, чтобы сбиться с пути	297
54. Подарок Долгожителя	300
55. Точка без выбора	304
56. Падение во тьме.....	306
57. Пещера.....	308
58. Солнце восходит в моей жизни.....	310
59. У нас общая история	313
Полезные ссылки на проекты Геше Майкла Роуча на русском языке	317

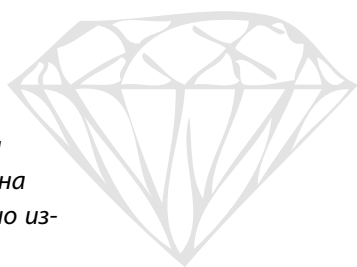
I. Девушки так делают

Старик долго смотрел на чашку чая в своих руках, а затем снова устремил на меня свой стальной взгляд, внимательно изучая мое лицо. И наконец, он сказал:

— То, о чем ты спрашиваешь... то, что ты хочешь изучить, это очень серьезно, — он опять замолчал и опустил взгляд, словно ища слова на дне чайной чашки. — И даже если бы я знал — немного — об этом... исцелении... ну, я бы никогда не смог научить тебя этому, — эти слова болью отозвались в моем сердце. Он заметил это.

— Я имею в виду, не зная... не зная точно, кто ты есть и почему хочешь этому научиться; именно ты, такая юная, простая девушка, — он снова сделал паузу, изучая чашку в своих руках. И вдруг он поднял голову, его глаза сверкнули. — И как ты меня нашла! Как обнаружила этот скит! Я не верю, что кто-то когда-либо способен добраться сюда так, как ты! — он пристально посмотрел в мои глаза, словно разглядывал мою жизнь, и промолвил:

— Итак, расскажи мне, дитя, все с самого начала и ничего не упусти.

1

Наш дом

Я родилась в год Водяной Свиньи в Первом Цикле, или в 1083 году по западному исчислению. Первое, что я помню, как открываю глаза, смотрю вверх на изящную темно-синюю бирюзу, радостно покачивающуюся и танцующую надо мной. Она, как лунным светом, была обрамлена маленькими серебряными кольцами, висящими на нитке из красивых ореховых бусин.

Мой взгляд скользнул вверх по нитке бус до сильных смуглых пальцев, и я впервые увидела моего любимого брата Тенцинга. Его красивое лицо с высокими скулами выделялось на фоне стальной голубизны круглого окна-неба высоко наверху. Взгляд его ярко-карих оленьих глаз вспыхнул любовью, он громко рассмехался и закричал:

— Амала! Моя хорошенькая младшая сестричка наконец-то проснулась!

Амала — на нашем языке означает «моя дорогая мать» — подошла и наклонилась, я подняла глаза и также на фоне неба увидела ее милое лицо. Она обняла моего брата Тенцинга, ласково погладила его гладко выбритую голову и сказала:

— О да, она такая хорошенькая. Но теперь возвращайся к своим занятиям, мой маленький Геше, и пусть малышка отдыхает.

Он неотразимо улыбнулся и ласково сказал:

— Пока! — счастливо глядя на меня. Два лица исчезли с небесного круга, и драгоценная бирюза была аккуратно убрана прочь, а я осталась в своей колыбели, усталой мягкой шерстью, под теплым одеялом, и глядела на синеву нового дня.

Я помню, как пролежала там несколько часов, глядя вверх в круглое отверстие на вершине купола нашей юрты. Красивое желтое солнце медленно проходило через него в течение дня, бросая мне золотой луч света, в котором струйки дыма от семейного очага закручивались в спирали и играли для меня весь день. Теплое круглое пятно света лениво пересекало комнату, задерживаясь на моем теле, и согревало меня сверху, а со спины меня окутывало тепло семейного очага, выложенного из камней под окном-небом.

Моя жизнь была связана с этим окном; это было все, что я могла видеть, лежа в колыбели, и я ощущала себя сестрой Солнца днем и Луны ночью, когда она пересекала круг тьмы по тому же пути, по которому ранее проходило Солнце. Мое сердце вылетало из окна и кружилось вверху, как яркий белый огонь звезд, во круг какой-то могучей незримой оси. Я была дитя Неба и редко думала о Земле.

Небесное окно около четырех футов в диаметре было лучшей частью нашей юрты. Оно заливало весь дом мягким янтарным светом и выпускало дым очага к небу. Это был большой круг из крепкого можжевелевого дерева. Его пересекали восемь дугообразных спиц, укрепленных деревянным кругом поменьше около фута в поперечнике, внутри которого был прекрасный деревянный крест.

Купол жилища высоко поддерживался несколькими дюжинами столбов — они были выкрашены в рыжевато-оранжевый цвет с замысловатыми рисунками драконов и жар-птиц цвета индиго, малинового и изумрудно-зеленого. Глядя из своей колыбели, я терялась в потоке солнечного света и лучах, исходящих от него, я иногда чувствовала, что нахожусь глубоко внутри своего тела, в самой его сердцевине, которая бежит вверх и вниз, вглядываясь в сияющие линии, будто сосуды, отходящие от ядра. Итак, это мои первые воспоминания о великой оси и линиях света с пересекающимися их сферами звезд и планет внутри и вокруг меня — моем новом доме.

Наш дом был теплым и живым. Как и во всех семьях, где я жила, мы все спали вместе, расстелив вечером на полу шерстяные ковры, одеяла и шкуры. Устраиваясь ко сну, мы разговаривали, смеялись и напевали. На одной стороне юрты у моей бабушки,

которую звали Тара, был особый соломенный матрац и несколько красивых крытых сундуков. Поэтому она возвышалась в свете костра, спокойная и сильная, глядя на нас смеющимися, сверкающими глазами и была похожа на королеву. И действительно, она была принцессой или предводительницей своего народа на самом далеком севере, у великого озера Байкал.

— Расскажи мне эту историю еще раз, бабушка Тара, — умоляла я, сидя у нее на коленях в детстве. Она с радостью откладывала веретено, с помощью которого пряла шерсть для ковров моей матери Амалы, потому что действительно была принцессой в душе и никогда не любила ручной труд. Затем, как всегда ее руки тянулись к мешочку на ярком кушаке и доставали для меня кусок чура кампо. Это была наша детская конфета в те дни, потому что сахарный тростник не рос в наших краях, а «белый песок» (так мы называли сахар) приходилось возить через горы из Индии на вьючных животных — поэтому он был редким и драгоценным.

Чура кампо был еще лучше: маленькие кубики сыра размером чуть больше игральных костей, нанизанные на нитку и высушенные на солнце. Наша земля была так высоко, что почти ничего никогда не портилось и эти кубики могли храниться годами. Они были тверды, как скалы; их приходилось сосать часами, что было хорошим способом заставить детей молчать во время рассказа. (Дядя утверждал, что кубики сушеного сыра были изобретением злых духов, потому что все в Тибете ели их и часами не могли молиться, ведь у них был набит рот). Но бабушка Тара никогда не здоровалась и не прощалась со мной, пока не положит мне в рот кусочек сыра.

2 Семья

— Я была тогда молода и красива, — начинала бабушка, и в это легко было поверить, потому что даже в старости она замечательно выглядела. Ее волосы длиной до талии уже давно стали чисто белыми, но все еще были пышными и блестящими — она заплетала их в одну косу, как большинство тибетских женщин, а потом обматывала вокруг головы и завязывала на затылке лентами из бенгальского шелка. Эта прическа всегда выглядела словно корона.

Ее блузки были шелковыми, с длинными рукавами, доходившими до кончиков пальцев, — старинный обычай в благородных семьях, показывающий, что они никогда не занимаются черной работой, — и в холодный день в рукавах хорошо было укутать руки. Она всегда шила блузки с высоким китайским воротником, подчеркивавшим ее длинную шею и аристократический подбородок, который она держала высоко — не из тщеславия, а из-за естественной королевской осанки, которую она всегда сохраняла. Именно от нее мой брат Тенцинг унаследовал свои высокие рельефные скулы и изящный орлиный нос.

— Мой отец был знатным вождем в нашей стране и известным купцом. Он водил большой караван на юг и на запад к Шелковому пути, стремясь торговать мускусом, мехами и драгоценными металлами из наших лесов. Я упрашивала его взять меня с собой всего один раз, и он в конце концов согласился, хотя, думаю, главным образом из-за страха, что меня украдут во время набегов банды разбойников из восточных монгольских земель, которые уже тогда набирали силу.

Возле древнего города Хотан мы столкнулись на самом Шелковом пути с другим караваном, направлявшимся в Китай с то-

варами из шерсти и стадами овец. Им руководил твой дорогой дедушка... — она всегда останавливалась на этом месте, чтобы вытереть слезу с глаз, потому что он скончался до моего рождения, — ...который, как ты знаешь, был одним из величайших торговцев, которых когда-либо знал Тибет; не то, чтобы он был сильно богат в те дни, это было до того, как он встретил меня. И конечно, ты знаешь, что это он научил твоего отца всему, что знает, когда тот был еще молодым парнем с несколькими мешками соли и парой яков, — и она снисходительно улыбнулась (я же говорила, кажется, что она была бабушкой со стороны моей матери).

Короче говоря, твой дедушка однажды увидел меня и был так поражен, что приказал остановить караван и провел три недели практически на коленях, умоляя моего отца о моей руке, в то время как погонщики верблюдов и яков из обоих лагерей торговали пивом чанг и вином арак, пили и дрались, пока почти все товары не были уничтожены. В конце концов твой дедушка расстался с половиной всего своего состояния — с тремястами овцами — и я уехала с ним, — гордо заканчивала она, а я представляла себе огромное море пушистых овец, направляющееся на запад, а дедушка и его жена скакали на двух лошадях на восток. Позже я поняла, что мой дед заключил хитрый союз с монголами, которым предстояло построить одну из величайших империй когда-либо существовавших в Азии; брак защищал нашу семью и ее караваны на протяжении многих лет.

Но для меня бабушка Тара была как еще одна маленькая девочка, и мы часами сидели и хихикали вместе, к большому огорчению моей матери Амалы, так как ей нужна была пряжа для ковров. Бабушка научила меня делать утреннее подношение санга — сушеного порошка из веток можжевельника с высоты священных гор — для Тенгери, небесных богов монголов. Когда она преклоняла колени над дымом, поднимающимся из костровой ямы, она выглядела как королева-жрица, и я была в восторге от ее силы и грации. В моем мире она была небосводом, непоколебимым авторитетом и силой.

Отец, как настоящий делец, добродушно терпел все эти фокусы. Он, конечно, был верным последователем Будды, но ездил в специальные поездки, чтобы убедиться, что у его свекрови

всегда есть священный порошок можжевельника: «Потому что ты должен быть защищен, понимаешь? Кто знает, какая религия может оказаться правильной!»

Такая терпимость была основой его философии жизни, и, хотя он часто уезжал с караванами, я глубоко любила и уважала его. Он был прирожденным торговцем, настолько убедительным, что мы с братом Тенцингом всегда избегали его по утрам, когда пора было раздавать работу по дому, потому что за несколько минут он мог уговорить выполнить дополнительную работу и заставить чувствовать, что иначе вы как-то подводите семью. Он был гениален в бизнесе, а его брат, дядя Джампа, в духовных делах. Отец всегда жил по одному правилу — обе стороны в сделке должны получать прибыль. Так он воплотил в реальной жизни самый важный кодекс, на котором мы были воспитаны: заботиться о других так же, как мы заботились бы о себе.

Главными товарами отца была соль и тонкие шерстяные ковры, которые Амала и другие женщины ткали в своих юртах. Он и мужчины из нескольких других семей вели длинную вереницу яков и других вьючных животных на северо-восток к большим солончакам, а затем на юг к перевалам, возвышающимся над Непалом. Они ехали в эту великую долину и торговали в шумной столице Катманду, взамен приобретая драгоценности из Индии, расположенной еще южнее. Он привозил домой сахар и рис; различные специи и благовония, такие как шафран и сандаловое дерево; драгоценные шелка из Варанаси с берега великой реки Ганг.

В роду отца была даже индийская кровь: у него было счастливое пухлое лицо с круглыми глазами и носом иностранца, что позволяло ему легко торговать даже в отдаленных землях. В юности он с братом и сестрой путешествовал вместе с моим другим дедом до центральной Индии.

Отец был младшим из троих, а дядя Джампа, который жил с нами, был средним. Сестра была намного старше, но ее уже не было, и о ней никто никогда не говорил.

Моя мать, Амала, была тихой, нервной женщиной. Должно быть, ее лицо напоминало дедовское, потому что оно было совсем не похоже на бабушкино, а скорее худощавое и заостренное, с широко раскрытыми совиными глазами и иссиня-черными

волосами. Ее жизнь была тяжелой из-за того, что мой отец уезжал так далеко, и она брала всю ответственность на себя. За исключением услуг доярки по имени Букла и нескольких полевых рабочих, помогающих с посадкой и сбором урожая, Амала не принимала помощь, предложенную семьями товарищей по каравану моего отца, чьи жены и дети разбивали лагерь неподалеку на востоке всякий раз, когда мужчины были в пути. Поэтому у нас редко бывали гости.

Амала проводила весь день со своими коврами, которые ткала на станке, расположенном напротив маленького бабушкиного трона через костровую яму. Ткацкий станок был придвинут к стене юрты, сделанной из деревянной решетки выше человеческого роста в месте соединения с конструкцией крыши. Если отец приносил специальный заказ на большой ковер для какого-нибудь непальского поместья или храма, Амала устанавливала более широкий ткацкий станок на балку, которая шла от вершины стены к одному из двух крепких столбов из можжевельника, установленных по обе стороны от очага в качестве опор для небесного окна и купола крыши.

Ковры Амалы славились своими замысловатыми узорами, более подробными, чем у любой другой ткачихи в нашей части страны. На ее коврах красовались не только тибетские снежные львы и горные вершины, но и сложные китайские символы; искусные восковые печати монгольских князей и очертания грозных животных джунглей Индии. В течение нескольких часов, пока я сидела, отвлекая мою бабушку по одну сторону семейного очага, Амала смиренно трудилась за станком напротив нас, соединяя и перенося эти разные миры внутрь деревянной рамы. Каждую новую нитку она уплотняла тяжелым деревянным бруском в ритме, который проникал в меня и оставался вместе с секретами узоров, потому что я была любознательной девочкой — я внимательно наблюдала и все запоминала.

Единственное, что могло вырвать Амалу из ее дневного транса за ткацким станком — это появление моего брата Тенцинга, который приходил каждый час или два за тибетским чаем для дяди, который вел занятия в своей юрте напротив нашей поляны. Этот чай является основным продуктом питания в нашей стране и больше похож на бульон. Мы выпивали 15 или 20 чашек в день,

чтобы зарядиться энергией на большой высоте и защититься от холода. Каждое утро и после обеда Амала готовила новую партию, наполняя огромную маслобойку кипятком, кусочками пресованных листьев чая джапак из Китая, молоком, маслом, солью и часто пищевой содой или мускатным орехом. Затем она запечатывала крышку маслобойки, которая представляла собой высокую узкую бочку, похожую на поставленную дыбом пушку из красивой потертой твердой древесины с декоративными медными кольцами. После этого раздавался знакомый свист поршня, который снова и снова проталкивался через чай, пока он не превращался в густой золотистый бульон, являющийся для нас символом Дома.

Тенцинг приносил меньшую маслобойку дяди и наполнял ее, а Амала суежилась вокруг «маленького геше» и спрашивала его, как идут занятия. Помню, одним из моих первых обращений к маме было:

— Амала, я тоже хочу пойти послушать уроки дяди.

Она взглянула на меня тогда с легким удивлением и сказала:

— Девочки так не делают, дорогая.

Внезапно я услышала очень громкий голос в своей голове, и он сказал: «Девочки делают так!» Но, как послушная дочь в азиатской семье одиннадцатого века, я даже не пикнула, а просто посмотрела себе под ноги.

Так что единственное время, когда я действительно могла быть наедине со своим братом Тенцингом, вдали от дяди и Амалы, было ночью, когда мы ложились на толстые ковры, повернувшись к огню, надежно устроившись между кроватью бабушки и высокой стопкой ковров, на которых спали мать с отцом. Мы укрывались с головой одеялами и ждали, когда заснут взрослые, а потом я спрашивала Тенцинга, чему дядя научил их за день.

Он с гордостью читал мне лекции, словно уже был геше, и отвечал на все мои вопросы с любовью и терпением. Однажды ночью он выпалил:

— Пятница, сегодня я узнал кое-что действительно особенное!

— Что именно? — прошептала я в ответ.

— У дяди есть секрет! — объявил он.